

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ТОМАСА ГОББСА

Б. З. Цанава

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье рассмотрен процесс эволюции концепции свободы в политической философии Томаса Гоббса (1588–1679). Показана взаимосвязь исторического и идеологического контекстов появления учения о «Левиафане». В частности, автор прослеживает взаимосвязь между событиями гражданской войны в Англии, идеологическим контекстом того времени и философией Томаса Гоббса. Особенно подчеркивается изменение аргументации сторонников парламента под влиянием рецепции аристотелевской философии, которая создала идейный базис для нововременного натуралистического и секулярного взгляда на политическую жизнь, возникшего как результат примирения аристотелевского видения самодостаточной гражданской жизни с заботами о потусторонней жизни, характерными для августинианского христианства. Автор рассматривает философию Гоббса сквозь призму подхода Кембриджской школы интеллектуальной истории, пролившей свет на идеологические споры и аргументацию современников Гоббса. Философия свободы в данном контексте является камнем преткновения между гоббсовским пониманием свободы как отсутствия внешних препятствий к движению и концепцией его идейных оппонентов, опирающихся на неоримское понимание свободы. Автор показывает, как контекст появления учения Гоббса отразился на эволюции его концепции свободы, ставшей ответом на республиканские идеи итальянского Ренессанса, главным новшеством которых было «привнесение» теории неоримской свободы в политический дискурс Англии XVII в., центральный тезис которой заключается в том, что свобода внутри гражданского объединения подрывается одним лишь присутствием произвольной власти. Идейное противостояние Гоббса и его оппонентов способствовало созданию исходных элементов современного либерального видения политического, в центре которого располагается теория свободы, впервые сформулированная Томасом Гоббсом.

Ключевые слова: Гоббс, Левиафан, концепция свободы, гражданская война, Кембриджская школа интеллектуальной истории.

Отражение событий, которые произошли в Англии XVII в., в универсуме политических идей стало ключевым моментом в формировании либерального видения политики, в центре которого находится концепция свободы, основанная на теории естественных прав. Именно в этот короткий, но насыщенный исторический промежуток времени были сформулированы основания политического языка, который до сих пор доминирует в современной политической науке.

Методологические сдвиги в политической философии, произошедшие в 60–70-х гг. XX в., позволили внедрить методы, заимствованные из лингвистики и истории, в исследовательские программы ученых, что способствовало более детальному изучению идеологической борьбы времен Английской революции. Особенного внимания заслуживают достижения Кембриджской школы интеллектуальной истории, как конвенционалистов, так и контекстуалистов, результаты исследования которых позволили увидеть связи между контекстом, политическим языком и учениями, взятыми на вооружение разными фракциями в ходе Английской революции.

Фигура Томаса Гоббса занимает особое место в истории идей Нового времени. По мнению К. Скиннера, именно Гоббс окончательно сформулирует новосовременное понятие государства (Скиннер, 2018а, с. 8), и именно Гоббс станет теоретиком, который первым окончательно концептуализирует новое понимание феномена государства как надпартийной и надрелигиозной формы организации общественной жизни, в основу которой будет положен общественный договор. Центральное место в теории общественного договора Гоббса занимает концепция свободы, которую Гоббс разрабатывал, будучи свидетелем гражданской войны и общественных потрясений, в противовес концепциям свободы, уходящим корнями к итальянскому Ренессансу и идейной рецепции Аристотеля. Концепция свободы Гоббса претерпевала изменения по ходу разворачивания событий Английской революции, поэтому для ее понимания в первую очередь необходимо обратиться к историческому контексту появления учения Гоббса.

Уже ко второй половине 1630-х гг. в Англии наметился серьезный политический кризис. Одиннадцатилетнее правление короля Карла I без парламента было ознаменовано ростом недовольства, включая знаменитое дело корабельной подати 1637 г., которое породило вопрос о границах королевской прерогативы (Newey, 2008, p. 10). Кроме того, фиаско Карла I в Епископских войнах в Шотландии, которые стали следствием желания внедрить англиканские религиозные обряды в пресвитерианское богослужение, привело к нехватке средств на военные нужды. Гоббс был свидетелем ожесточенного противодействия со стороны движения ковенантеров, которое, являясь весьма популярным в народе, смогло объединить шотландцев против единого врага под религиозной эгидой. Катастрофическая ситуация вынудила короля созвать парламент в 1640 г.

Так, начало идеологическим разногласиям между парламентом и королем положил вопрос королевской прерогативы по поводу введения новых налогов. Более того, важно отметить, что вопрос личной свободы не был основополагающим вплоть до разгара гражданской войны. Скиннер отмечает, что вопрос о правах собственности — особенно о том, насколько владение собственностью может быть подчинено воле короля, — становится главным к тому моменту, когда был созван Короткий парламент (Skinner, 2004, p. 323). При этом можно отметить несколько традиционных источников политической аргументации того времени, которые имели заметную силу в конституционном кризисе 1640-х. В первую очередь это общее право и Новый Завет с выводимыми из него церковными идеями и ритуалами, обосновывающими авторитет государя. Апелли-

руя к обычному праву, парламентские юристы обращались к различию между крепостным и свободным человеком: король может отобрать по праву нашу собственность, если отношения между нами — это отношения между господином и крепостным, поэтому отбор собственности лишает нас статуса свободы (Skinner, 2004, p. 310–311). Роялистские оппоненты, в свою очередь, отвечали им в типичных для схоластики терминах, обосновывая избранность монарха, который именовался наместником Бога (The Lieutenant of God)¹. Тем не менее наиболее важным моментом является то, что в это время произошло проникновение в Англию идей гражданского гуманизма, которые придавали политическим свободам особенный статус, связывая их с идеалом смешанной конституции. Эта традиция, породившая на английской почве специфический идейный продукт — неоримскую теорию свободы, восходит к республиканским идеям свободных городов *Regnum Italicum*, перед которыми стояла задача создания политической идеологии, способной обосновать их маргинальную правовую позицию и отстоять их систему выборного самоуправления от притязаний папы и императора (Skinner, 2004, p. 12). Важно отметить их воззрения на то, что одна из наиболее серьезных для государства угроз заключается в том, что граждане не готовы сражаться за свою свободу от посягательств тирании (Skinner, 1978, p. 75). Поэтому, когда сторонники парламента стали критиковать право короля на управление милицией, это стало последним рубежом перед гражданской войной². Идеи гражданского гуманизма преимущественно были заимствованы итальянскими юристами у политико-правовых мыслителей Древнего мира, как и наиболее радикальные аргументы, использовавшиеся во время Английской революции (Skinner, 2004, p. 312). Также популярной стала идея красноречия как движущей силы, способной внушить сомнения неприятельской аудитории и склонить ее на свою сторону (Skinner, 2004, p. 268). Именно в Италии в эпоху идейной рецепции Аристотеля был заложен идейный базис для нововременного натуралистического и секулярного взгляда на политическую жизнь, который возник как результат примирения аристотелевского видения самодостаточной гражданской жизни с заботами о потусторонней жизни, характерными для августинианского христианства (Скиннер, 2018а, с. 95). Таким образом, Аристотель вооружил философов свободных итальянских городов инструментарием понятий, с помощью которых они создавали видение политики, отличное от ортодоксального августинианства, утверждавшего, что все государства даны людям Богом как лекарство от человеческой греховности (Skinner, 2004, p. 31). Это альтернативное видение политического в дальнейшем привнесет в дискурс проблематику политических обязательств суверена и его подданных, что является ключевой темой философии Гоббса. Благодаря подходу Кембриджской школы становится очевидным, что к моменту совершения Английской революции и написания «Левиафана» уже сложился теоретический инструментарий

¹ Интересную иллюстрацию схолистического и новых способов легитимации приводит К. Скиннер, сравнивая фронтисписы «Левиафана» и «Eikon Basilike». См.: (Skinner, 2008, p. 178–211).

² О влиянии военной тематики того времени на философию см.: (Scott, 2003, p. 111–135).

идейных противников Гоббса, которые смогли адаптировать теорию неоримской свободы и привнести ее в политический дискурс сторонников парламента.

Дальнейшая серия гражданских войн в Англии и пик антиабсолютистских настроений во Франции (так называемая Фронда), когда дело дошло даже до уличных столкновений в Париже, стали поворотным моментом в политической истории. Став свидетелем этих событий, Гоббс, скорее всего, стремился, чтобы его следующая книга оказалась актуальна как для французских политических волнений, так и для английских, потому что не только англичане нуждаются в учении об обязательствах гражданина (Tuck, 2003, p. X). Проблема политических обязательств становилась основной дважды в период конституционных кризисов в Англии XVII в. Первый произошел в 1649 г., после казни короля и установления республики. Второй — в 1689 г., после отречения Якова II и вступления на престол Вильгельма и Марии. В обоих случаях новое правительство в острой форме требовало клятвы верности к новому источнику власти. Это сделало вопрос о справедливых основаниях, на которых возможна такая клятва, важнейшим элементом политического дискурса (Skinner, 2002, p. 270). К тому же в самом разгаре Английской революции большую важность приобретает религиозный вопрос (Dzelmainis, 2001, p. 33–55). В эпицентре борьбы теперь был не столько конституционный спор между королем и парламентом, сколько борьба разных политико-религиозных группировок среди сторонников парламента. Как отмечает Д. Покок, эти группировки «были гораздо более политизированы по сравнению с их швейцарскими, немецкими или голландскими эквивалентами и гораздо решительнее настаивали на проведении секулярных реформ в сферах государственного права и распределения собственности» (Рососк, 1975, p. 346). Теперь мировоззренческие противоречия разделили индепендентов, левеллеров и пресвитериан. Каждая группа отстаивала свои партикулярные интересы и взгляды на соотношение церкви и государства, вместо того чтобы обосновывать закон поверх всех партий, они только подпитывали огни гражданской войны. На волне этих событий Гоббс пересматривает некоторые свои политические воззрения и пишет свой magnum opus — «Левиафан», большая часть которого посвящена вопросу о соотношении христианской веры и власти суверена.

Как отмечает Скиннер, на континенте «Левиафан» получил широкий успех в абсолютистской Франции, однако на родине чаще всего даже не пытались понять цели сочинения Гоббса. Почти все атаки критиков сводились к тому, что Гоббс мог быть заподозрен в атеизме и в конце концов осужден (Skinner, 1966a, p. 163). Более того, соотечественников больше пугало не учение Гоббса, а те, кого он смог убедить (Hobbist). Скиннер отмечает, что само слово «Hobbism» в период жизни Гоббса было популярным названием для крайне дикого, атеистического отношения к высшим силам, которое только может быть, в то время как «Hobbists» относилось к тем, кто хочет уничтожить законы и свободу и установить властный произвол (Skinner, 1966b, p. 296). Однако, даже учитывая неприятие политического учения Гоббса, в Англии он считался известным знатком в вопросах натурфилософии (Malcolm, 2002, p. 323).

Таким образом, учение о Левиафане появляется в момент серьезного конституционного кризиса, во время которого обостряется гражданская борьба религиозно-политических групп по вопросу соотношения церкви и государства. «В плане семантики нельзя не отметить, что выражение *bellum civile* предпочитали те политические теоретики, которые стремились к подлинно политическому решению проблемы, независимому от религиозных конфронтаций, — от Бодена до Гоббса; они усматривали в гражданской войне самое большое зло, преодолеть которое должно государство» (Бульст, Козеллек, Майер, Фиш, 2014, с. 589). Такая ситуация, по мнению Р. Козеллека, помогла Гоббсу развить «сверхрелигиозную, надпартийную позицию, которая, в свою очередь, позволила анализировать все религиозные группировки как часть общего процесса» (Koselleck, 1988, p. 27).

Как следствие, Гоббс ставит во главу угла проекта новой политической науки проблему стабильности государства и возможности разрешения индивидуальных моральных и политических противоречий в рамках одного политического сообщества путем определения гражданских обязанностей. Такая постановка вопроса фактически формулирует главную задачу либеральной политической теории: «примирить концепцию государства как внеличностной, основанной на праве системы власти с новым взглядом на права, обязанности и долг граждан» (Гуторов, 2014, с. 121). Англия XVII в. особенно важна для современной политической философии потому, что — и здесь можно согласиться с Ф. Хайеком — «в настоящее время едва ли можно выяснить происхождение индивидуальной свободы раньше Англии семнадцатого века. Она появилась, как это всегда случается, как продукт борьбы за власть, чем как заранее спланированный результат» (Науек, 1978, p. 162).

Теперь мы должны обратиться к интеллектуальной биографии Гоббса. Он получил классическое образование в лучших традициях Елизаветинской эпохи, был знатоком латыни и греческого: уже в детстве он переводит на английский язык «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. Очевидно, что у него всегда существовал интерес к классической традиции, который давал о себе знать в разные периоды его творчества.

Когда в Англии началась гражданская война, Гоббс уехал во Францию, опасаясь за свою жизнь из-за выступления в защиту прерогативы короля, высказанную им своим первым систематическом труде о политике “*The Elements of Law Natural and Politic*” (Martinich, 1999, p. 161)³. В этой работе Гоббс впервые попытался обосновать политические принципы на основе человеческой психологии, которая была бы совместима с его механистическими взглядами на физику (хотя необязательно зависима от них) (Malcolm, 2002, p. 15). Годы, проведенные во Франции, были самым продуктивным периодом его творчества. В Париже он находит более благоприятный интеллектуальный климат для своих идей. Гоббс часто посещает собрание кружка философа и математика Марена

³ Хочется отметить, что Гоббс был крайне близок к Кавендишам — семье графа Девонширского, которому он посвятил “*The Elements*”. Подробнее про отношения Гоббса и семьи Кавендиш см.: (Sarasohn, 1999, p. 715–737).

Мерсенна, через которого он знакомится с передовыми достижениями современной ему науки, в том числе и с идеологическим наследием итальянского Ренессанса, которое на тот момент получило широкое распространение во Франции. Даже после возвращения на родину Гоббс поддерживает переписку со многими друзьями на континенте. Они продолжали делиться с ним размышлениями о его политических трактатах и даже посещали его в Англии (Skinner, 1966b, p. 154). Интересно отметить тот факт, что после Реставрации Гоббс не принимал участия в деятельности Лондонского королевского общества и не писал политических трактатов.

В Париже в 1642 г. Гоббс опубликовал на латыни малым тиражом трактат “De Cive”, который предназначался для более широкой международной аудитории и который, по задумке Гоббса, должен был стать третьей, заключительной частью его системы философии. К 1647 г. трактат был переиздан три раза (Skinner, 1966, p. 295) — судя по всему, к тому времени Гоббс стал известным ученым в области политики как среди роялистов, которые находились в ссылке во Франции, так и среди интеллектуалов на континенте. “De Cive” был переведен на французский и английский языки⁴. По мнению Р. Такка, именно этот трактат оказал наибольшее влияние на развитие демократических идей XVIII–XIX вв. в континентальной Европе, в то время как, например, полного перевода «Левиафана» на французский язык не было до 1971 г.⁵

Magnum opus Гоббса — «Левиафан» — появляется в 1651 г. на английском языке и за год выдерживает три издания. Если “De Cive” и “The Elements” предназначались для образованной элиты, то «Левиафан» был ориентирован на более широкий круг читателей. Трактат породил неоднозначные интерпретации, особенно заключение к нему, которое навлекло на Гоббса презрение со стороны королевского двора, поскольку в нем отстаивалась легитимность правителя *de facto*, которым на тот момент был Кромвель⁶.

Проблема свободы является крайне важной для понимания современной либеральной политической философии и ее идейных оппонентов. Как отмечает Скиннер, речь идет о сравнении двух противоположных взглядов на «природу нашей общественной жизни, которые мы унаследовали на современном Западе. С одной стороны, суверенитет является собственностью народа, а с другой — он является собственностью государства. Одни кладут в основу фигуру добродетельного гражданина, а другие — фигуру суверена как представителя государства. Одни обосновывают приоритет обязанностей гражданина, а другие их права. Не нужно даже говорить, что вопрос о примирении этих противоположных взглядов является центральной проблемой современ-

⁴ Интересно отметить тот факт, что в первом английском переводе “De Cive” термин *soveranant*, который Гоббс использует для обозначения общественного договора начиная с “The Elements”, заменен на *compact*. По мнению Мартинича, это позволяет говорить о том, что переводил “De Cive” на английский точно не сам Гоббс. Подробнее см.: (Martinich, 1999, p. 180).

⁵ Так ставит довольно интересный вопрос: как изменилось бы понимание Гоббса, если бы он умер в 1647 г.? См.: (Tuck, 2006, p. 172).

⁶ Подробнее см.: (Hoekstra, 2004, p. 33–75).

ной политической теории» (Skinner, 2002, p. ix). По сути основная борьба этих двух взглядов ведется именно вокруг идеи свободы. Соответственно, обе эти традиции по-своему определяют ключевой вопрос при концептуализации понятия «свобода» и, как следствие, получают разные ответы. Первую традицию можно назвать либеральной, и, как ни странно, ее родоначальником был именно теоретик абсолютной власти Томас Гоббс. Вторую традицию можно вслед за Скиннером назвать неоримской, или республиканской⁷. Неоримская теория свободы и является тем оппонентом, против которого Гоббс выдвинул свою философию.

Республиканская традиция — это не только определенный вариант понимания свободы. Это скорее целая совокупность взаимодополняющих политических идей, касающихся природы человека, политического образования и институционального устройства государства, берущих свое начало в идейной рецепции краха итальянских свободных городов-республик. Впрочем, можно представить возникновение этой традиции как накатывающиеся друг на друга волны идей и рефлексии над реальной политикой. В самом начале находятся первые республиканские теоретики, которые стремились обосновать независимость вольных городов от папы и императора. Затем последовал период пересмотра этих идей в свете возникновения гражданского гуманизма и актуализации идеи *zoon politikon*, восходящей непосредственно к Аристотелю⁸. Гуманисты понимали свободу как традиционный и установленный порядок для этих городов. Они привычно использовали термин «свобода», определяя ее и как независимость и собственное самоуправление, и как свободу от внешнего вмешательства в смысле возможности принимать активное участие в процессе управления государством (Skinner, 1978, p. 77). Главную угрозу этой свободе, например, во Флоренции они видели в том, что граждане не готовы сражаться за нее против посягательств тирании, а вместо этого отдают ее в ненадежные руки наемников (Skinner, 1978, p. 75). Как следствие, такие идеи возродили римский идеал добродетельного человека — *vir virtutis*⁹, способного своими силами решать собственную судьбу и переделывать окружающий его социальный мир.

Большое значение играет переосмысление этих идей у Макиавелли, которого вправе можно назвать ключевым теоретиком неоримской концепции свободы. Макиавелли был свидетелем краха Флорентийской республики, главный

⁷ При этом стоит отметить, что разница между эпитетами «неоримский» и «республиканский» заключается в том, что первый отражает скорее определенную традицию осмысления свободы, в то время как второй тесно связан с идеями республиканского устройства государства. Так как многие авторы, отсеивающие идеалы неоримской свободы, могли не быть теоретическими сторонниками республиканского устройства, то для большей точности мы будем вслед за Скиннером использовать эпитет «неоримский».

⁸ Кроме того, стал актуальным идеал вооруженной и независимой гражданственности, восходящей к третьей книге «Политики» Аристотеля. Подробнее см.: (Skinner, 2004, p. 76).

⁹ Стоит отметить, что переосмысление этой античной идеи происходило через дихотомию между *virtus* и *fortuna*. Зачастую первый концепт представлялся как мужское, мужественное начало, в то время как второй происходил от начала женского. См. подробнее: (Россок, 1975, p. 37), а также (Pitkin, 1984, p. 388).

вопрос, на который он хотел ответить, был вопрос о том, как можно защитить государство от тирании. Его ответ заключается в том, что «нужно организовать государство таким образом, чтобы власть оставалась в руках гражданского “тела” в целом. Это возможно, если каждый так поставит на службу государству свои таланты, что *bene commune*, общее благо или общественный интерес, мог ли бы быть поддерживаемы, а частные интересы оставались под контролем» (Skinner, 2004, p. 163). После провозглашения в Англии республики и свободного государства в 1649 г. похожая манера неоримского мышления проявилась у Харрингтона в его знаменитой работе 1656 г. “*The Commonwealth of Oceana*”, предлагающей наиболее систематизированный вариант адаптации идей Макиавелли на английской почве¹⁰. По мнению Покока, именно эта работа обозначила парадигмальный сдвиг в английской политической философии и истории посредством идей гражданского гуманизма и республиканизма Макиавелли. Основная причина этого сдвига заключалась в «необходимости обоснования военной республики в Англии как правления *popolo armato*» (Роскок, 1975, p. 384).

Стоит отметить, что для неоримских теоретиков именно свобода являлась основополагающей общественной ценностью. Краеугольный вопрос в их политической теории звучит так: что значит быть свободным и что значит быть рабом? Ответ на этот вопрос заключался в значении статуса человека как *liber homo*, восходящего к античной мысли республиканского Рима и переданном мыслителям Ренессанса через истории Тита Ливия, Тацита, а также через *Дигесты* римского права. Именно из этих источников неоримские теоретики извлекают разницу между статусом свободного человека и раба и связывают это состояние с определенным состоянием государственного устройства. По сути, если государство не поддерживает состояния своей свободы — в традиционном смысле, означающем свободу действия в соответствии со своей волей, — и тогда индивидуальные члены политического общества также будут лишены персональной свободы в общепринятом смысле, означающем потерю свободы достижения собственных целей. Основанием для такого вывода является идея, согласно которой как только политическое «тело» теряет свою способность действовать в соответствии с общей волей и становится объектом воли либо *grandi*, либо амбициозного соседнего сообщества, его граждане станут рассматриваться как средства достижения целей своих владык и поэтому потеряют свободу осуществлять собственные цели. В итоге порабощение сообщества приводит к неминусовой потере индивидуальной свободы. И наоборот, свобода отдельных людей может быть гарантирована только в «свободном государстве», в основе которого лежит выборный республиканский режим самоуправления (Skinner, 2004, p. 205–206). Таким образом, неоримские теоретики воспроиз-

¹⁰ Необходимо подчеркнуть, что теория свободы Макиавелли носит негативный характер, однако она развивается без единого использования идеи индивидуальных прав. Макиавелли вовсе не говорит в терминах «права». У неоримских теоретиков в Англии мы уже находим похожую риторику, что говорит о влиянии идей реформации на традицию. См. подробнее: (Skinner, 2004, p. 211–212), а также (Скиннер, 2006, с. 28–30).

водят воззрения из V Дигеста Юстиниана “De statu hominum”, который гласит: «...рабство есть установление права народов, в силу которого лицо подчинено чужому владычеству, вопреки природе» (Дигесты Юстиниана, 2002, с. 117), — и переносят это воззрение в масштаб целого политического сообщества. Раб, а соответственно и гражданин, живущий в несвободном государстве, есть тот, кто является объектом произвола (arbitrary will). Следовательно, центральный тезис неоримской теории заключается в том, что свобода внутри гражданского объединения подрывается одним лишь присутствием произвольной власти, которая сокращает роль членов такого сообщества до статуса рабов (Skinner, 2008, ix). В этой формулировке «неоримские авторы отвергают, *avant la lettre*, ключевую посылку классического либерализма, в соответствии с которой сила или принуждение, угрожающее силой, — это единственные формы ограничений, нарушающие индивидуальную свободу. Неоримские авторы, напротив, настаивают на том, что жизнь в состоянии зависимости также является источником и формой ограничения. Как только ты понимаешь, что живешь в таком состоянии, это само по себе ограничивает тебя в реализации некоторых твоих гражданских прав» (Скиннер, 2006, с. 75).

За несколько десятилетий до революции это понимание взаимоотношения между свободой и рабством постепенно отвоевало свое место в политическом дискурсе предреволюционной Англии. Оппоненты роялистов атаковали притязания королевской власти на частную собственность, так как королевская правовая и налоговая политика подрывали права и свободы граждан. Лишь некоторые из них трактовали эту ситуацию как фундаментальную претензию короны на произвольную и нелегальную власть над подданными, которая сводила свободных людей Англии к подневольному состоянию. Ситуация изменилась только после казни Карла I, когда неоримские идеи обрели вес в Английской республике. Покок делает интересное замечание по этому поводу: «...если Людовик XVI в 1793 г. был казнен за то, что он был королем — т.е. принадлежал к определенной разновидности правителей, которых его обвинители считали уже нелегитимными, — то Карл I в 1649 г. был казнен за неспособность быть королем: за исполнение своих обязанностей таким образом, который довел его подданных до состояния безумства и отчаяния, и те, кто обвинял его, настаивали, что именно он является главным препятствием для возвращения государственного порядка» (Роскок, 1992, xi–xii). Позитивное утверждение, что свобода всегда надежно охраняется в республиках, появляется уже в официальной Декларации от марта 1649 г. в защиту решения установить свободное государство (Skinner, 2008, p. 143). Тем не менее вопрос заключается в том, почему эти республиканские и макиавеллиевские идеи все-таки прижились в окружающей среде, в которой доминировали монархические, правовые и юридические понятия.

Очевидно, что первичный импульс принятия неоримских идей должен был исходить от предшествующей конституционной традиции. 21 июня 1642 г. Карл I издает документ “His Majesty’s Answer to the Nineteen Propositions of Both Houses of Parliament”, в котором именно король, а не парламент делает первый шаг к концепции смешанного правления. В нем утверждалось, что Англий-

ское государство основано на силе трех составляющих: король, лорды и палата общин — и что здоровье и выживание этой системы зависят от поддержания баланса между ними (Роскок, 1975, р. 361). Это была фатальная тактическая ошибка роялистов, которая распахнула двери для республиканских идей смешанного правления, самоуправления и, как следствие, неоримской теории свободы.

В контексте этих событий перед Гоббсом встала первоочередная задача создания альтернативной абстрактной теории свободы, которая могла бы сочетаться с абсолютной властью суверена. Проблема свободы, судя по всему, стала для него ключевой уже в 1645 г., когда в полемике с Джоном Брэмхолом он пишет следующее: «...правильное определение свободы я представляю, как отсутствие всех препятствий для действия, которые не содержатся в природе и во внутренних качествах агента. Так, например, говорится, что вода свободно протекает или имеет свободу свободно протекать по руслу реки, потому что у нее нет на пути никаких препятствий, но не поперек, потому что стороны — это препятствия. И хотя вода не может протекать поперек течения, никто не скажет, что ей не хватает свободы, а не хватает только способности или силы, потому что препятствие только в природе воды, и это ей свойственно» (Hobbes, 1810, р. 273–274). Гоббс продолжает: «...следовательно, тот, кто связан, испытывает нехватку свободы к движению, потому что препятствие находится не в нем самом, но в его оковах». В этой формулировке происходит определенный сдвиг в мышлении Гоббса: если в прежних работах он говорил о препятствиях к движению вообще, то теперь речь идет только о внешних препятствиях (Skinner, 2008, р. 127). Судя по всему, Гоббс намеренно отторгает любую возможность ущемления свободы индивида посредством произвольных или внутренних препятствий. В этой формулировке впервые проглядывает главная мысль Гоббса, которую он подразумевает, а затем в «Левиафане» встраивает в свою теорию государства. Она заключается в разделении идеи свободы действовать определенным образом и идеи обладания нужной силой или собственной волей, чтобы это сделать. Если осуществление твоего действия ограничено внешним препятствием, тогда ты лишаешься возможности действовать и теряешь свою свободу. Но если осуществление твоего действия ограничено только внутренней причиной, то ты лишен не свободы, а внутренней силы: ты просто не в состоянии осуществлять действие, и, следовательно, вопрос о том, свободен ты или нет, снимается (Skinner, 2008, р. 134).

Окончательный вариант гоббсовской концепции мы встречаем уже в «Левиафане». На протяжении всего трактата тема свободы поднимается в двух местах: сначала в главе XIV, а потом в главе XXI. В первом варианте Гоббс затрагивает тему свободы по отношению к естественному закону, а затем уже более детально рассматривает свободу подданных. В самом начале XXI главы перед нами предстает следующее определение: «...свобода в правильном понимании этого слова означает отсутствие сопротивления. Под сопротивлением я подразумеваю внешние препятствия для движения: такое понимание применимо к неразумным и неодоушевленным созданиям не в меньшей степени, чем к разумным» (Hobbes, 1839, р. 196). В данной формулировке недвусмысленно про-

глядывает материалистическая сентенция Гоббса: человек как субъект свободы в первую очередь является физическим телом, а свобода физического тела — это свобода внешнего движения¹¹. Далее он приводит показательный пример: «...но если препятствие содержится внутри самой вещи, то мы говорим, что не хватает не свободы, а не хватает возможности движения. Например, когда камень находится в покое или человек прикован к постели болезнью» (Hobbes, 1839, p. 196). Таким образом, Гоббс переводит проблему в иной идейный модус субъектно-центрированного созерцания: мыслить свободу означает размышлять в категориях возможного и невозможного внешнего движения тел, исключая из рассмотрения внутренние побуждения к действию и воздержанию от действия. Следовательно, свобода состоит из следующих элементов: наличие выбора и физическое невмешательство в осуществление действия. Эта формулировка позволяет Гоббсу совершить фундаментальный сдвиг в истории понятия свободы. Теперь свобода может недвусмысленно сочетаться со страхом и необходимостью. Если твоя воля находится под давлением кого-либо, то ты все равно свободен, потому что у тебя есть выбор и силы, чтобы осуществить действие согласно этому выбору.

Гоббс приводит пример сочетания свободы и чувства страха: «...если человек выбросит за борт все свое добро из-за страха, что корабль может потонуть, то он делает это намеренно, а значит добровольно, так как он может воздержаться от этого» (Hobbes, 1839, p. 197). Однако корень сочетания свободы и необходимости уже носит религиозный характер, «потому что каждое действие человека, каждое желание и склонность проистекают из определенной причины, а это причина из другой причины — в этой непрерывной цепи первопричина Бог, а, следовательно, они все проистекают из необходимости» (Hobbes, 1839, p. 198). Таким образом, под ширмой детерминизма кроется вполне обыденное для его времени ощущение божественной предопределенности. Заключение, к которому ведет нас Гоббс, крайне простое: даже тогда, когда наша свобода в естественном состоянии без сомнения ограничивается нашими обязательствами повиновения гражданским законам, это не уменьшает нашу свободу в правильном смысле этого слова (Skinner, 2008, p. 221), потому что мы все же сохраняем свободу выбора — совершить действия против закона и ощутить негативные санкции или испытать страх от возможного наказания и действовать по закону. Таким образом, мы все время сохраняем свою естественную свободу даже в государственном состоянии, так как искусственные цепи закона сдерживают нас не в большей степени, чем меч суверена, который потенциально рождает страх среди граждан, заставляя их совершать разумные действия, не противоречащие закону. Страх, следовательно, первооснова рационального поведения индивида в цивилизованном обществе, а государство выступает в роли маски¹², которую надевает на себя общество, чтобы каждый

¹¹ См. подробный разбор этого аргумента (Gauthier, 2000, p. 5–13).

¹² При этом интересно замечание Скиннера, что сама категория «подданный» является искусственным продуктом, «неотъемлемой частью политической выдумки, договора», см.: (Skinner, 2008, p. 224).

имел возможность сосуществовать в мире без страха за собственную жизнь. Свобода подданных, таким образом, «находится в тех вещах, регулирование которых суверен обошел молчанием» (Hobbes, 1839, p. 199), т. е. там, где закон не запрещает какое-либо действие под угрозой физического наказания. Однако же единственный возможный момент, когда логическая цепь «страх — подчинение» может быть справедливо нарушена в соответствии с законом природы, открывается в случае, если индивид либо лишается защиты своей жизни со стороны суверена, либо сам суверен представляет угрозу для его жизни. Это неотторгаемое право на сохранение собственной жизни — центральный импульс появления либеральной политической теории.

Такая формулировка свободы позволяет Гоббсу осуществить критику неоримской теории: главная ошибка ее сторонников заключается в убеждении, что свобода — это вопрос жизни в независимости от произвольной власти и что мы можем только надеяться обрести свободу в свободном государстве, в противовес монархии (Skinner, 2008, p. 141). Отсюда следует знаменитая цитата Гоббса, которую имплицитно повторяют многие либеральные теоретики: «...афиняне и римляне были свободны, но свободны как государства, а не как отдельные люди, которые были свободны сопротивляться своим представителям. Скорее их представители имели свободу сопротивляться и нападать на другие народы» (Hobbes, 1839, p. 201). С этим тезисом Гоббс атакует неоримский тезис с позиции индивидуализма: никто не рассматривал именно свободу индивида как телесного существа. Далее он подытоживает: «...в наши дни на башне города Лукка начертано слово LIBERTAS, но никто не может заключить, что простой человек в большей степени свободен и избавлен от службы государству, чем в Константинополе. В монархическом или демократическом государстве свобода одна и та же» (Hobbes, 1839, p. 201–202).

Вернемся же теперь обратно к неоримской традиции и рассмотрим ее уже более детально. Скиннер отмечает, что «ключ к пониманию того, что неоримские авторы имеют в виду, приписывая свободу целым сообществам, состоит в том, что они совершенно всерьез воспринимают древнюю метафору “политического тела”» (Скиннер, 2006, с. 33). Аналогия политического «тела» с телом человека часто встречается у Харрингтона. Например, в «Системе политики» он пишет: «...как форма человек является изображением Бога, а форма государства является изображением человека» (Harrington, 1992, p. 273). Поэтому неоримская теория свободы начинается с размышления о свободе политического «тела» и только затем переходит к обычному человеку, т. е. мысль идет от общего к частному, в то время как Гоббс идет от обратного, от частного к общему. Более того, «если людей взять по отдельности, то они всего лишь совокупность частных интересов, но, если их объединить вместе, они уже представляют общественный интерес государства» (Harrington, 1992, p. 166). Следовательно, действия свободного государства напрямую зависят от общей воли его объединенного политического тела. Отсюда следует вывод, что должна быть связь между выработкой законов и обычными гражданами. Это проблема разрешается посредством репрезентации в законодательном органе, так как «государство содержит в себе всю нацию, которую неудобно собирать вместе, такое

собрание должно быть представлено и быть равным (всей нации)» (Harrington, 1992, p. 24). Тема народного представительства затем перейдет на новый уровень в философии Д. Локка, который делает особый акцент на представительстве народа в законодательстве, более того, он считает правильным ограничить срок, на время которого законодатели уполномочены осуществлять свою деятельность (Locke, 2003, p. 208–209). Парадоксальным остается факт, который одним из первых заметил Б. Рассел: «...во всем Левиафане Гоббс нигде не рассматривает возможность влияния периодических выборов для обуздания стремлений собрания пожертвовать общественными интересами ради личных интересов своих членов» (Рассел, 1997, p. 514). Хотя его же современники рассматривали не только выборы, но и альтернативные способы замещения гражданских магистратур¹³, следовательно, вполне возможно, что этот вопрос Гоббс игнорировал намеренно, так как его аргументация зиждилась на тезисе о единовременном и одностороннем порядке передачи прав суверену в момент заключения общественного договора, который не может быть пересмотрен в будущем.

Таким образом, неоримская теория свободы тесно перекликается с республиканской, став источником теоретического обоснования радикальных для той эпохи теорий представительного правления. Тем не менее между идеями Гоббса и неоримских теоретиков не существует непреодолимой бездны: и тот, и другие представляют негативное понимание свободы с одним лишь исключением — они по-разному понимают концепт вмешательства и принуждения. Так, к либеральному стандарту республиканцы добавляют пункт автономии и независимости от любого потенциального принуждения.

Либеральное понятие свободы, рожденное в идеологических баталиях Гоббса и его современников, оказало большое влияние на современную политическую философию. Как отмечает Петтит, современные контрактарианцы используют концепт договора как инструмент обоснования идеальной формы государства: независимо от того, будет ли это, например, минимальное государство, ограниченное с целью обоснования и защиты естественных прав, или государство, ответственное за благосостояние своих граждан (Pettit, 1991, p. 5). При этом важно подчеркнуть, что либеральные концепции особенно склонны к актуализации проблем философии свободы и естественных прав. Скиннер видит в этом заметное влияние философии Гоббса, которого он вслед за Харрингтоном называет «готическим теоретиком»: «Если мы, например, посмотрим на таких ведущих современных теоретиков, как Джон Ролз и Роберт Нозик, и их последователей, то мы встретим осознанную попытку возрождения и расширения готического видения политики. Видение, согласно которому свобода — это естественное право, антоним свободы — это принуждение, и максимизация свободы рассматривается как главная (если не единственная) обязанность просветленных государств» (Skinner, 2004, p. 161). Таким образом, совершенно парадоксально философия свободы Томаса Гоббса, призванная

¹³ Например, выборы и жребий были рассмотрены Харрингтоном в Океании. Подробнее см.: (Манен, 2008, с. 95–102).

обосновать безграничную власть государства, становится ключевым лейтмотивом современной либеральной философии.

Литература

Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Революция, бунт, смута, гражданская война // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 520–728.

Гуторов В.А. Теория демократии как историческая проблема: к постановке вопроса // Вестник СПбГУ. Сер. Политология. Международные отношения. 2014. № 4. С. 114–126.

Дигесты Юстиниана. М.: Статут, 2002. 584 с.

Манен Б. Принципы представительного правления. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2008. 323 с.

Рассел Б. История западной философии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. 815 с.

Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. М.: Дело, 2018а. Т. 1: Эпоха Ренессанса. 464 с.

Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. М.: Дело, 2018b. Т. 2. Эпоха Реформации. 568 с.

Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2006. 120 с.

Dzelmainis M. Ideas in conflicts: political and religious thought during the revolution // The Cambridge Companion to writings of the English Revolution / ed. by N. H. Keeble. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 33–55.

Gauthier D. P. The logic of Leviathan. The moral and political theory of Thomas Hobbes. Oxford: Clarendon Press, 2000. 227 p.

Hayek F. A. The Constitution of Liberty. Chicago: The University of Chicago Press, 1978. 574 p.

Harrington J. The Commonwealth of Oceana and A System of Politics / ed. by J. G. A. Pocock. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 331 p.

Hobbes T. Leviathan // The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury / ed. by Sir William Molesworth, Bart. London: Henrietta street, Covent garden, 1839. Vol. 3. 732 p.

Hobbes T. Of Liberty and Necessity // The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury. London, 1810. Vol. 4. P. 229–279.

Hoekstra K. The de facto Turn in Hobbes's Political Philosophy // Leviathan after 350 years / ed. by T. Sorell, L. Foisneau. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 33–75.

Koselleck R. Critique and Crises. Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Cambridge: MIT Press, 1988. 214 p.

Locke J. Two Treatises of Government and A Letter Concerning Toleration / ed. by Ian Shapiro. New Heaven: Yale University Press, 2003. 211 p.

Martinich A. P. Hobbes. A biography. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 428 p.

Malcolm N. Aspects of Hobbes. Oxford: Oxford University Press, 2002. 656 p.

Newey G. Routledge philosophy guide book to Hobbes and Leviathan. New York; London: Routledge, 2008. 222 p.

Pettit P. An Overview // Contemporary Political Theory / ed. by Philip Pettit. New York: Macmillan, 1991. P. 1–16.

Pitkin H. Fortune is a Women. Gender and Politics in the thought of Niccolo Machiavelli. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 388 p.

Pocock J. G. A. The Machiavellian moment. Princeton: Princeton University Press, 1975. 602 p.

Sarasohn L. T. Thomas Hobbes and the Duke of Newcastle: A Study in the Mutuality of Patronage before the Establishment of the Royal Society // Isis. 1999. Vol. 90, N 4. P. 715–737.

Skinner Q. The foundations of modern political thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. Vol. 1 The Renaissance. 306 p.

Skinner Q. Thomas Hobbes and His Disciples in France and England // *Comparative Studies in Society and History*. 1966a. Vol. 8, N 2. P. 153–167.

Skinner Q. Hobbes and Republican Liberty. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 263 p.

Skinner Q. The Ideological Context of Hobbes's Political Thought // *The Historical Journal*. 1966b. Vol. 9, N 3. P. 286–317.

Skinner Q. Visions of Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Vol. 2: Renaissance Virtues. 495 p.

Skinner Q. Visions of Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Vol. 3: Hobbes and Civil Science. 400 p.

Scott J. The peace of silence: Thucydides and the English Civil War // *Hobbes and History* / ed. by G. A. J. Rogers, T. Sorell. London; New York: Routledge, 2003. P. 191–221.

Tuck R. Introduction // *Hobbes T. Leviathan*. Student ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. I–XXV.

Tuck T. Hobbes and Democracy // *Rethinking the Foundations of Modern Political Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 171–191.

Цанава Бачуки Зурабиевич — аспирант; Tsanava.bach@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 23 марта 2019 г.;

рекомендована в печать: 25 июня 2019 г.

Для цитирования: *Цанава Б. З.* Эволюция концепции свободы в политической философии Томаса Гоббса // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2019. Т. 15, № 4. С. 549–565. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.408>

THE EVOLUTION OF CONCEPT OF LIBERTY IN POLITICAL PHILOSOPHY OF THOMAS HOBBS

Bachuki Z. Tsanova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
Tsanava.bach@gmail.com

The article is devoted to the evolution of the concept of liberty in the political philosophy of Thomas Hobbes (1588–1679). The article shows the relation between the historical and ideological contexts of the appearance of the doctrine of the «Leviathan». In particular, author connects the events of the English civil war, the ideological context of that time with the philosophy of Hobbes. A special emphasis is put on the evolution of argumentation of parliament proponents under the influence of Aristotelian philosophy perception, which created the ideological basis for the naturalistic and secular view on political life of the modernity, which came into being as a result of reconciliation of Aristotelian view on self-sufficient civil life with Augustinian concern about otherworldly life. Thee author considers Hobbes's philosophy through the lens of the methodology of Cambridge school of intellectual history, which discovered ideological disputes and argumentation of Hobbes's contemporaries. Philosophy of freedom in this context becomes the sticking point between Hobbes's understanding of liberty as absence of external obstacles for motion and his ideological adversaries, who were influenced by the neo-roman concept of liberty. The author shows how the context was reflected in Hobbes's doctrine of liberty, which was a response to the republican ideas of the Italian Renaissance, which brought a new theory of neo-roman liberty into the England of the XVII century, the central thesis of which was based on the idea that liberty within civil society is undermined by the simple presence of arbitrary will. The ideological dispute of Hobbes and his opponents formed basic elements of contemporary liberal vision of politics, the core of which directly relies on the doctrine of liberty which was initially formulated by Hobbes. **Keywords:** Hobbes, Leviathan, concept of liberty, civil war, Cambridge school of intellectual history.

References

- Bul'st N., Kozellek R., Maier K., Fish I. Revolution, revolt, distemper, civil war. *Slovar' osnovnykh istoricheskikh poniatii: Izbrannye stat'i*, in 2 vols., vol. 1. Rus. Ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, pp. 520–728. (In Russian)
- Digesty Iustiniana*. Rus. Ed. Moscow, Statut Publ., 2002. 584 p. (In Russian)
- Dzelmainis M. *Ideas in conflicts: political and religious thought during the revolution*. The Cambridge Companion to writings of the English Revolution, ed. by N.H. Keeble. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, pp. 33–55.
- Gauthier D. P. *The logic of Leviathan. The moral and political theory of Thomas Hobbes*. Oxford, Clarendon Press, 2000. 227 p.
- Gutorov V. A. Theory of democracy as a historical problem: towards the formulation of the question. *Vestnik SPbGU*, 2014, no. 4, pp. 114–126. (In Russian)
- Harrington J. *The Commonwealth of Oceana and a System of Politics*, ed. by J. G. A. Pocock. Cambridge, Cambridge University Press, 1992. 331 p.
- Hayek F. A. *The Constitution of Liberty*. Chicago, The University of Chicago Press, 1978. 574 p.
- Hobbes T. *Leviathan. The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury*, ed. by Sir William Molesworth, Bart, vol. 3. London, Henrietta street, Covent garden, 1839. 732 p.
- Hobbes T. Of Liberty and Necessity. *The English works of Thomas Hobbes of Malmesbury*, vol. 4. London, 1810, pp. 229–279.
- Hoekstra K. The de facto Turn in Hobbes's Political Philosophy. *Leviathan after 350 years*, ed. by T. Sorell, L. Foisneau. Oxford, Oxford University Press, 2004, pp. 33–75.
- Koselleck R. *Critique and Crises. Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge, MIT Press, 1988. 214 p.
- Locke J. *Two Treatises of Government and a Letter Concerning Toleration*, ed. by I. Shapiro. New Haven, Yale University Press, 2003. 211 p.
- Malcolm N. *Aspects of Hobbes*. Oxford, Oxford University Press, 2002. 656 p.
- Manen B. *Principles of representative government*. Rus. Ed. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v S.-Peterburge Publ., 2008. 323 p. (In Russian)
- Martinich A. P. *Hobbes. A biography*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 428 p.
- Newey G. *Routledge philosophy guide book to Hobbes and Leviathan*. New York, London, Routledge, 2008. 222 p.
- Pettit P. *An Overview. Contemporary Political Theory*, ed. by Philip Pettit. New York, Macmillan, 1991, pp. 1–16.
- Pitkin H. *Fortune is a Women. Gender and Politics in the thought of Niccolo Machiavelli*. Chicago, The University of Chicago Press, 1984. 388 p.
- Pocock J. G. A. *The Machiavellian moment*. Princeton, Princeton University Press, 1975. 602 p.
- Rassel B. *History of western philosophy*. Rus. Ed. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo Universiteta Publ., 1997. 815 p. (In Russian)
- Sarasohn L. T. Thomas Hobbes and the Duke of Newcastle: A Study in the Mutuality of Patronage before the Establishment of the Royal Society. *Isis*, 1999, vol. 90, no. 4, pp. 715–737.
- Scott J. *The peace of silence: Thucydides and the English Civil War. Hobbes and History*, ed. by G. A. J. Rogers, T. Sorell. London, New York, Routledge, 2003, pp. 191–221.
- Skinner K. *Liberty before liberalism*. Rus. Ed. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v S.-Peterburge Publ., 2006, 120 p. (In Russian)
- Skinner K. *The foundations of modern political thought*, in 2 vols., vol. 1. The Renaissance. Rus. Ed. Moscow, Delo Publ., 2018a. 464 p. (In Russian)
- Skinner K. *The foundations of modern political thought*, in 2 vols., vol. 2. The Reformation. Rus. Ed. Moscow, Delo Publ., 2018b. 568 p. (In Russian)
- Skinner Q. *Hobbes and Republican Liberty*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. 263 p.
- Skinner Q. *The foundations of modern political thought*, vol. 1. The Renaissance. Cambridge, Cambridge University Press, 1978. 306 p.

Skinner Q. The Ideological Context of Hobbes's Political Thought. *The Historical Journal*, 1966b, vol. 9, no. 3, pp. 286–317.

Skinner Q. Thomas Hobbes and His Disciples in France and England. *Comparative Studies in Society and History*, 1966a, vol. 8, no. 2, pp. 153–167.

Skinner Q. *Visions of Politics*, vol. 2. Renaissance Virtues. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 495 p.

Skinner Q. *Visions of Politics*, vol. 3. Hobbes and Civil Science. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 400 p.

Tuck R. *Introduction. Hobbes T. Leviathan*. Student ed. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, pp. I–XXV.

Tuck T. *Hobbes and Democracy. Rethinking the Foundations of Modern Political Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, pp. 171–191.

Received: March 23, 2019

Accepted: June 25, 2019

For citation: Tsanova B. Z. The Evolution of Concept of Liberty in Political Philosophy of Thomas Hobbes. *Political Expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 549–565.
<https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.408> (In Russian)